

ПОЛЕМИКА

УДК 94:81.373.2(048)(470.53)"/.../14"(048)=(811.511.14)

К ПОНИМАНИЮ СУЩЕСТВОВАНИЯ УГОРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ
В ПРИКАМЬЕ И ПРЕДУРАЛЬЕ*А. М. Белавин, В. А. Иванов*

Статья является ответом на рецензию А. Ф. Мельничука и Г. Н. Чагина на первую главу монографии А. М. Белавина, В. А. Иванова, Н. Б. Крыласовой «Угры Предуралья в древности и средние века» (Уфа, 2009).

Ключевые слова: Предуралье, Пермский край, угры, вогулы, ономастика, палеодемография.

Продолжая сравнивать научную дискуссию с игрой в шахматы, мы оцениваем рецензию А. Ф. Мельничука и Г. Н. Чагина «Современное состояние “угорской” концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края» на нашу монографию [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009] как первый ответный ход и приносим свою благодарность редакции «Вестника Пермского университета» за возможность совершить следующий ход.

На наш взгляд, начало дискуссии об угорском этнокультурном присутствии в Прикамье и Предуралье начинает ассоциироваться с хрестоматийной притчей о четырех слепцах, пытающихся на ощупь понять, как выглядит слон. В соответствии с этим и была выбрана в качестве объекта критики именно вводная глава, само назначение которой показать, *что проблема есть*. Рецензенты своей критикой по сути отрицают такую постановку вопроса: с их точки зрения, *в Прикамье и Предуралье угорской проблемы нет*. Вывод один – нужен третейский судья.

Тем не менее мы отдаем должное тому, что авторы рецензии проделали важную работу – сумели выявить все опiski, ошибки, заблуждения и противоречия, возникшие в главе по разным причинам². Безусловно, эти замечания большей частью действительно ценные, и в последующих работах мы их непременно учтем. Однако авторы рецензии, критикуя наш текст, не пришли к выводу, что даже такое собрание противоречивых и не всегда проверенных данных должно заставить задуматься о более весомом участии угорских народов в этнокультурной истории Предуралья, чем это представляется сейчас. Основной пафос рецензии состоит в том, чтобы доказать, что все сведения об уграх (любых уграх – вогулах, остяках, югре, мадьярах, каких-либо иных, не названных в источниках, но уловимых археологически и с учетом топонимики) в Пермском Предуралье, западнее Уральских предгорий и Камы, являются нелепыми, основанными на разновременных ошибках различных авторов, которые мы, собрав воедино, пытаемся рассматривать как некий факт.

И все же этот факт, пусть с ошибками (географическими, лингвистическими), но свидетельствует о том, что некое угорское население проживало в Предуралье не только в тех районах, где исторически были зафиксированы манси, но и на гораздо более широкой территории.

Безусловно, Среднеуральский регион связан с расселением не только угорского, но и пермского, самодийского, тюркского и русского этносов. Но разве мы грешим против истины, если упоминаем только тот этнос, который вынесен в заголовок книги?

Существование иньвенских и обвинских угров (вогул и остяков) подтверждается не только наличием речки Вогулка у с. Купрос³, указания на которую имеются не только у И. Глушкова и И. Н. Смирнова, но и в работах такого знатока Прикамской топонимии, как А. С. Кривошекова-Гантман [Труды института..., 2006, с. 36; *Кривошекова-Гантман*, 1983, с. 79]. На проживание здесь несколько веков назад угорского населения указывают названия речек Тетля (приток р. Нердвы), Мочга и деревень Большая и Малая Мочга в Купросской волости, в бассейне р. Иньва (совр. Юсьвенский район). В этих деревнях И. Я. Кривошеков зафиксировал существование угорского по содержанию культа лошади, который «...ведет свое начало от времен язычества» [*Кривошеков*, 1897, с. 47–48]. Впрочем, об этом мы уже писали в нашей книге. Обвинские и иньвенские вогулы и остяки давно стали фактом историографии. Так, В. Шишонко приводит сведения о разных

нападавших на Пермь народах по Сибирской летописи под 1582 г. «...Сылвенских и Косьвинских, Иренских и Иньвенских и Обвинских татар, и остяков, и вогуличь, и вотяков, и башкирцев множество...» [Шишонко, 1881, с. 99]. Иньвенские и обвинские остяки и вогуличи в «Житии Трифона Вятского», таким образом, не должны вызывать подозрения авторов рецензии. Кроме того, по мнению А. С. Кривошековой-Гантман, манси в недалеком прошлом проживали практически на всей территории Коми-Пермяцкого округа совместно с коми-пермяками. «Этнонимы угорского происхождения и сейчас встречаются на территории Коми-Пермяцкого округа. В Юсьвинском районе около с. Купрос имеется речка с названием Вогулка. В Гайнском районе – речка Мансьовка. В Кочёвском районе часть д. Кышка и поныне называется Манчи (ср. манси, западное произношение манчи – их самоназвание). Эти факты не случайны. Они говорят о былом местопребывании манси» [Труды института..., 2006, с. 35–36].

Конечно, появление наименования «вогулы» на карте Пермского края – позднее явление, не ранее XIV в., и их существование не может свидетельствовать о существовании угорского населения в раннесредневековом Прикамье. И в рецензируемой А. Ф. Мельничуком и Г. Н. Чагиным главе монографии мы не связываем вогулов и остяков с угорским раннесредневековым населением Предуралья. Характеризуя расселение вогул и распространение топонимов, образованных от этого наименования, мы лишь указываем на пребывание групп этого народа в Предуралье в позднее средневековье и новое время (XIV–XVIII вв.). Пермские, удмуртские и вятские топонимы, образованные от наименований «вогул» и «остяков», свидетельствуют о бытовании на этой территории представителей указанных народов в XV–XVII вв. Вряд ли правомерно связывать, к примеру, появление населенного пункта Вогульцы возле г. Вятки с последствием похода вятчан и пермяков на Пелым, как это предлагает В. В. Напольских, но вот связать их с пребыванием неких вогульских групп на данной территории вполне допустимо. Наш спор с В. В. Напольских заключается лишь в признании или непризнании возможности поселения вогул здесь после неудачного завершения похода 1467 г. Вряд ли вогулы поселились возле Вятки после побега из вятского плена их предводителя. Против же предположения В. В. Напольских о существовании вогул, бывших в какой-либо момент военно-политическими союзниками вятчан, мы не возражаем. Более того, мы совершенно согласны с В. В. Напольских в том, что «...теоретически мансийские топонимы могут быть обнаружены и далее на запад – в районах военно-политической активности вогуличей в XV–XVI вв. – вплоть до Великого Устюга, где вогуличи реально фиксируются документами» [Напольских, 2002, с. 91].

Нам не хотелось бы разделить мнение Л. Н. Лашука о происхождении и значении этнонима «вогул», согласно которому этноним «вогул» произошел от слова «вогьль» – «космы, лохмы» и понимается как «лохматый» или «растреп» [Лашук, 1972, с. 61], как это делают наши рецензенты. Более приемлемой является гипотеза венгерского исследователя П. Хайду, по которой это слово обозначает «люди с плёсов» (от мансийского «воль» – плёсо), которую поддерживает и А. К. Матвеев [Матвеев, 2007, с. 51]. При этом следует признать, что надежной этимологии этноним «вогул» не имеет.

Такое значение этнонима «вогул» вполне соответствует представлениям об универсальной категории самоназваний, семантически восходящих к словам со значением «человек», «люди», «настоящие люди». В финно-угорских и самодийских языках хорошо известны такие самоназвания: «мари» (муж, мужчина) у марицев, «морт» (человек) у коми, «мадьар» (говорящий человек, люди) у венгров, «ненэць» (мужчина, человек) у ненцев и т.д. [Крюков, 1984, с. 7–8 и сл.]. Это, возможно, самый древний из семантических типов этнонимов. Он присущ и периоду разложения первобытного общества [Генинг, 1970, с. 96].

В этом плане нам кажется продуктивным толкование наименования Вису-Изу как «северные люди», «речные люди», произошедшего от мадьярских *észak* – север, *víz* – вода (*víz-ar*, *víz-ér* – поток воды), хотя этот процесс и назван авторами рецензии «занимательной методикой». С указанными венгерскими словами А. К. Матвеев этимологически увязывает «характерные только для Предуралья» названия рек Бизь, Пизь, Бизяр, Бизярка, делая вывод о былом обитании в Предуралье некоего протомадьярского населения [Матвеев, 1968, с. 144]. Как о протомадьярском гидронимическом типе он пишет о западноуральских топонимах на -ер, -ера (Печера, Бисер, Бисера, Вишера) и соотносимых с ними названиях на -ерть (Бисерть, Кишерть) [Там же]. Позже А. К. Матвеев, не отбросив мадьярской версии, предложил коми версию происхождения подобных названий, но сам

ее и отверг [Матвеев, 1980, с. 40–43, 60–64; Матвеев, 2007, с. 35–37]. Напомним, что кроме Башкирии и Свердловской области подобные названия известны и Пермскому краю: р. Бисер – приток р. Койва, две реки Бизь в бассейне р. Сылвы, Бизяр – приток р. Бабка, Визяй в бассейне р. Иньва, Вис – приток р. Весляна, а также Кировской области: р. Бисера – приток р. Вятка.

К этой группе топонимов Предуралья примыкают гидронимы Висим (левый приток р. Кама), Весым (приток р. Велва). По мнению А. К. Матвеева, все подобные гидронимы принадлежат территориям, на которых жили в прошлом или по сию пору живут манси. Он предлагает такие названия считать архаическими и соотносить с древним общеобско-угорским реликтом или дообско-угорским субстратным названием [Матвеев, 2007, с. 49–50].

Анализ связи наименования Чулман-Чолман с финно-пермскими языками может оказаться продуктивным с учетом ряда коми-пермяцких и удмуртских слов, например: чоль – струя, шоль – влажный, сырой, чалмон – плавный, утихающий, чулалом – истекший. А вот иронию оппонентов, проявившуюся в сравнении некоторых наших лингвистических изысканий, касающихся такой этимологии как «этруски – это русские», оставим на их совести. Вероятно, нашим оппонентам хорошо знакомо творчество писателя Алексея Югова [Югов, 1972] и пародиста Александра Иванова. Для развлечения читателей добавим к любимым нашими оппонентами суждениям А. Югова и пародиям на него А. Иванова еще несколько: «Сократ был русским. Односельчане говорили про него – он умнее нас во сто крат! отсюда произошло его греческое имя... Цицерон был русским, его звали Мирон. Любил много и долго говорить. Когда окружающим надоедало это, они его грубо прерывали – “цыц, Мирон!” Так его потом римляне и прозвали...»

Проблема сылвенских «остяков» нам хорошо знакома, однако мы не видим каких-либо особенных трудностей в ее решении. Судьба этой угорской группы такая же, как у племен – носителей чияликской культуры. И те и другие постепенно были тюркизированы и мусульманизированы. В основе тех и других лежали угорские племена, появившиеся в Прикамье и Приуралье спустя несколько столетий после исчезновения неволинской культуры и ухода мадьяр на запад. Они заполнили собой существовавшую лакуну в лесостепи и на ее северной границе с лесом. В Сылвенско-Иренском Прикамье следы этих племен фиксируются в виде могильников типа «Селянино озеро».

Этническая коммуникабельность и билингвизм как средство межэтнического контакта были важными этническими стереотипами коми как в далеком прошлом, так и в новое и новейшее время [Конаков, Котов, 1991, с. 35, 38]. Коми переселенцы на восточные территории, как правило, владели тремя языками: коми (ижемский диалект), русским и хантыйским. Ижемские оленеводы обычно знали ненецкий язык [Конаков, 1985, с. 85–86]. Аналогичный билингвизм свойствен и современному манси. Вероятно, в прошлом билингвизм был характерен для народов, проживающих в контактных зонах и на территориях смешанного (многокомпонентного) расселения, к каковым мы относим и Пермское Предуралье в эпоху раннего средневековья, заселенное двухкомпонентным этносом (угро-пермским) [Белавин, 2007, с. 11; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 15].

Известны современные финно-угорские народы, имеющие этнически единую культуру, но несколько самостоятельных языков. Таковыми являются мордва (эрызнский и мокшанский языки), марийцы (марийский и горномарийский). Возможна и обратная картина. Так, на коми-пермяцком говорят коми-пермяки и коми-язвенцы [Лыткин, 1961]. Есть народы, обладающие яркой самобытной культурой, отчетливо выраженным самосознанием, самоназванием, но не имеющие (утратившие) самостоятельного языка. Примером такого народа могут быть шотландцы, говорящие теперь на английском языке (небольшая группа говорит на гэльском) [Современный энциклопедический словарь, 1997], современные баски, не говорящие на баскском языке. Три разных южнославянских народа – сербы, черногорцы и боснийцы – говорят на сербском языке.

Уже исходя из этого можно заключить, что язык не является надежным, а тем более основным, этническим определителем. Представление о языке как важнейшем этническом признаке базируется на сложившейся в этнографии системе классификации народов по языковому принципу. Использование лингвистической классификации приводит к совпадению лингвистической и этнографической карт. Вместе с тем следует учитывать то обстоятельство, что на одной языковой основе возникали различные этнические общности [Итс, 1991, с. 96]. Лингвистическая классификация народов, как и большинство иных формальных классификаций, является лишь инструментом, позволяющим систематизировать материал по определенной схеме. Такая классификация не дает представления о разнообразии духовной и материальной культуры народов, особенностях их этни-

ческого самосознания, путях их формирования. Тем не менее она является традиционной. Привычно именовать народы по их языку, «в обыденном сознании часто происходит отождествление языка и народа» [Кукушин, Столяренко, 2000, с. 111]. Вероятно, более важны иные этнические определители, которые и составляют то, чем народы (даже говорящие на одном языке) отличаются друг от друга:

- общие черты материальной и духовной культуры;
- чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней и манифестация этой отличительности (наиболее наглядно средствами материальной культуры) для установления этнических границ между чужими и своими;
- признаваемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении.

Большинство специалистов подчеркивают главенствующую роль материальной и духовной культуры и установления границ по принципу «свой – чужой», что находит отражение вплоть до психологии этноса. Язык в этой системе служит средством коммуникации и факультативным компонентом структуры этнической идентичности. Однако в экстремальных ситуациях язык приобретает гипертрофированное значение «национального символа» и, по мнению А. Н. Мосейко, «превращается в миф, в средство этнодифференциации и реализации архетипа “мы – они”» [Мосейко, 1996, с. 46–47].

О том, что лингвистические материалы не являются решающими в большинстве этнических и особенно этногенетических исследований, предупреждал В. П. Алексеев. «Можно утверждать, что значение языка как этнического определителя в современную эпоху еще не дает нам права рассматривать именно лингвистические данные в качестве основной базы для этногенетических построений. Такое преувеличенное использование одного вида исторических источников в ущерб другим вопреки мнению некоторых языковедов может привести не к объективизации этнического исследования, а к его односторонности и потере информации вместо строгой и полной оценки этнического процесса». При этом он призывал рассматривать материалы лингвистики, археологии и этнографии в их совокупности, учитывать их полноту, хронологический диапазон, а не абсолютизировать лингвистические или антропологические реконструкции [Алексеев, 1989, с. 144–155]. Как бесспорный определитель этноса язык уже не работает с начала периода распада родовых общин [Мечковская, 1998].

Таким образом, «теоретический Рубикон» мы не перешли, а находимся в довольно многочисленном стане исследователей, не считающих роль языка столь высокой в формировании этничности и этнической идентичности.

Не желая более спорить о наличии на Европейской части России угорской топонимики, о которой пишут многие исследователи [см.: Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 10–11], а отрицают этот факт только А. К. Матвеев и В. В. Напольских, мы рискнем напомнить один методологический принцип топонимиста – наличие топонимов, образованных в языке тех или иных народов, указывает на присутствие этих народов на исследуемой территории для определенного времени их пребывания на ней, а вот отсутствие таких топонимов не свидетельствуют о том, что эти народы на исследуемой территории никогда не проживали. Относительно топонимики Пермского края и даже более конкретно – территории Коми-Пермяцкого округа сошлемся на мнение А. С. Кривошековой-Гантман: «По своему происхождению топонимика Коми-Пермяцкого округа не является однородной. Кроме названий, легко выводимых из коми-пермяцкого языка, встречаются и такие, которые представляют собой субстратные или суперстратные явления (допермская топонимика, угорская, татарская и русская)» [Труды института..., 2006, с. 11]. «Мы далеки от того, чтобы отрицать наличие угорских племен в Прикамье в период до XVI–XVII вв.» [Там же, с. 35]. А бассейны Чусовой, Обвы, верхней Камы, нижней Иньвы исследовательница относил к очагам сгущения топонимии угорского происхождения. Кстати, фамилия Юрганов, по ее же мнению, может считаться угорской (например, шуриин пельмского князя Юмшана – *Юрга*), а тюркская основа фамилии Кыласов связана с распространением тюркских имен у обских угров.

В Марийском Поволжье и Верхневолжском регионе угорская субстратная топонимия, выделяемая рядом исследователей, сочетается с находками керамики, имеющей решетчато-шнуровую и шнуровую орнаментацию, литых биконьковых подвесок, пластинчатых подвесок-всадников, стальных огнив с бронзовой рукоятью и других предметов, характерных для угорских культур

Предуралья. В Марий Эл это дополняется высокой частотой гиполактазии и встречаемости генотипа С/С LCT у современных мари, что указывает на большую роль угров в этногенезе марийцев [Белавин, Крыласова, Козлов, 2010].

Авторы рецензии, опровергая наше мнение о низкой численности финно-пермского населения в XV–XVII вв., предложили весьма странную методику палеодемографических расчетов [Мельничук, Чагин, 2010, с. 146]. Почему-то они избирают для критики только VII–IX вв., хотя мы в монографии оперируем данными о VII–XII вв., именно их считая «ломоватовским временем». Только КАЭЭ Пермского педуниверситета за последние 25 лет изучено более 950 погребений VII–XII вв. на 10 могильниках (из которых, правда, только два – Каневский и Важгортский – относятся исключительно к VII–IX вв.).

Тем не менее, даже если признать реальной среднюю численность ломоватовской общины в 100 человек, «вычисленную» в рецензии нашими оппонентами на основе данных о 1300 погребениях, то на 192 известных ломоватовских поселениях [Голдина, 1985, с. 64] могло проживать не менее 19200 человек, а если допустить, что одновременно существовавших в VII–IX вв. поселений было не более 50% от указанного количества, то ломоватовское население должно составлять не менее 9–10 млн. человек в «один хронологический период». Далее в духе наших рецензентов мы можем смело увеличивать это число втрое.

Принципиально важным для палеодемографической реконструкции является подсчет численности жителей отдельного жилища и поселка. Сегодня этому уделяется все больше внимания, совершенствуются методики исследования, разрабатываются новые критерии и подходы.

Например, в «демографической археологии» существует большое число специальных исследований, в которых обосновываются нормы площади пола жилища на одного человека [Халиков, 1969, с. 344; Крадин, 2001, с. 86 и др.]. Большинство авторов в расчетах, касающихся жилых и комплексных построек, оперирует усредненной цифрой – 4 кв. м площади пола жилища на человека. Так, на Рождественском городище в ходе раскопок на территории, составляющей около 3,7% от площади обитаемой части городища, изучено 4 жилища площадью от 56 до 72 кв. м (средняя – 62 кв. м), которые существовали на усадьбах средней площадью в 150 кв. м. При усредненной норме 4 кв. м/чел. в доме на усадьбе могло одновременно проживать до 15 человек. Обитаемая часть городища (вместе с неукрепленным посадом) составляет 66 тыс. кв. м. Будем считать, что половина площади занята производственными сооружениями. На оставшейся части в 33 тыс. кв. м могло разместиться до 220 усадеб. Принято считать, что при должном уходе жилища, подобные нашим, – слегка углубленные в землю, могли существовать до 150–200 лет, однако установим срок их службы, соответствующий не более 3–5 поколениям, т. е. в 100 лет. Вероятно, одновременно могло существовать не более 130–150 усадеб, так как требовалось место для придомного выпаса, складирования стройматериалов, формировалось пространство улиц и т.д. Таким образом, одновременно на Рождественском городище могло проживать от 2 до 2,3 тыс. человек, максимальное число – в период расцвета в XI–XII вв., минимальное – в начальный и финальный периоды.

Думается, что, применяя методику расчета исходя из количества погребений на всей территории Прикамья, лучше было бы оперировать данными о родановской культуре, которая хронологически ближе к XV–XVII вв. – периоду, о котором идет речь в первой главе нашей монографии. Попробуем использовать эту методику относительно данных, которые приводит В. А. Оборин в разделе «Коми-пермяки» коллективной монографии «Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века». Он указывает, что из 70 могильников родановского времени (IX–XV вв.) изучено 34 и что наиболее значительные работы проведены Р. Д. Голдиной на могильнике Агафоновский II, состоящем из 456 погребений. Всего же изучено 14 тыс. родановских погребений с учетом дореволюционных раскопок [Оборин, 1999, с. 266], большая часть которых относится к VIII–XII вв.

Не ставя себе целью критиковать методику, примененную нашими оппонентами, попробуем приложить ее к указанному массиву данных. Изучено 34 родановских могильника, т. е. почти половина всех известных могильников. С учетом того, что большинство могильников датировано VIII–XII (XIII) вв., а могильников XIII–XV вв. известно немного, можем принять за средний хронологический диапазон функционирования некрополя 500 лет. Следовательно, могильники охватывают до 20 поколений. Принимаем условную численность родановской общины в 120–150 человек за один хронологический период (все-таки более развитое время по сравнению с ломоватовским). Известных поселений родановского времени насчитывается, по данным В. А. Оборина, более 300 (75 го-

родищ и 240 селищ) [Оборин, 1999, с. 260]. Таким образом, получаем цифру в 36–45 тыс. человек. Считая, что не более 50% поселений существовали одновременно, получаем, что 18–22 тыс. человек жили в один хронологический период. Будем умножать на 3 вслед за авторами рецензии?

Вторая методика, основания которой более существенны, использована В. А. Обориным в названной главе. Она заключается в расчете площади жилищ, количества жилищ на поселении и соотношении этих данных с возможным количеством обитателей жилищ. В. А. Оборин приводит цифры, определенные М. В. Талицким по материалам раскопок Роданова городища, и приходит к выводу, что на Родановом городище могли обитать 100–120 человек. Затем он обращается к данным, касающимся Анюшкара: «Судя по площади, в семь раз большей, чем Роданово городище, здесь могло обитать до 500 человек, учитывая, что центр площадки был занят производственными и жертвенными комплексами» [Оборин, 1999, с. 266]. Даже если сложить показатели численности населения этих двух городищ (600–620 человек), частично совпадающих по времени существования, то можно сделать вывод, что на них обитало от 1/7 до 1/6 жителей раннесредневекового Прикамья (исходя из цифры в 4,5 тыс. человек, приводимой тем же В. А. Обориным). Кстати, если признать, что 4,5 тыс. человек проживало на 300 родановских поселениях, то средний показатель обитания составит 30 человек, даже если считать, что одновременно существовало не более 50% поселений.

Возможно, что цифра 4,5 тыс. человек относится к заключительному этапу родановской культуры (XIII–XV вв.), так как он охватывает небольшое (не более 50) по сравнению с VIII–XII вв. количество памятников, сосредоточенных в основном в северных районах Прикамья и на территории современного Коми-Пермяцкого округа. Авторы рецензии справедливо указали на то, что В. А. Обориным не использовались для подсчетов сведения письменных источников, однако цифра в 4,5 тыс. коми-пермяков для XV–XVI в. в свете приведенных данных нам кажется несколько завышенной. Достаточно вспомнить, что, например, на Иньве и Обве в 1579 г. зафиксировано проживание всего лишь 232 душ мужского пола, т. е. около 1 тыс. человек [Кривошеков, 1897, с. 28], причем это отчасти уже смешанное русско-пермяцкое население. Самое крупное поселение – Кудымкар с населением около 40 человек русских и пермяков в 7 дворах.

В заключение считаем необходимым отметить, что уважаемые рецензенты очень уж вольно обращаются с работами своих коллег. Мало того, что они, цитируя одного из авторов этих строк, «традиционалиста» В. А. Иванова, сделали это очень некорректно, они еще допустили некое ёрничество по отношению к определению «традиционалист», данному В. А. Ивановым самому себе, но совершенно в ином контексте. Попытаемся исправить этот их промах (совершенный, скорее всего, в запале дискуссии).

Во-первых, говоря о финно-пермской этнокультурной доминанте, В. А. Иванов пишет, что «вопрос о присутствии носителей финно-пермского этноса на территории *южного Прикамья* (курсив наш. – А. Б., В. И.) в эпоху раннего средневековья в общем-то можно считать решенным» [Иванов, 2009, с. 61], и в конце статьи: «... археологические и антропологические материалы совершенно определено указывают на то, что первая половина I тыс. н. э. в южных районах Прикамья и Приуралья протекала при выраженной восточно-финской этнокультурной доминанте (курсив наш. – А. Б., В. И.). Завершается этот период вытеснением “бахмутинцев” носителями кушнаренковской культуры (уграми) на запад, в результате чего восточная граница восточно-финского (по Р. Д. Голдиной – пермского) массива “сместилась на запад и стала проходить по Каме, являвшейся естественной преградой на пути массового притока кочевников” [Голдина, 1999, с. 309]. Позже такой отчетливо выраженной восточно-финской (или финно-пермской?) этнокультурной доминанты в Камско-Бельско-Уфимском междуречье мы уже не наблюдаем» [Иванов, 2009, с. 68]. Очевидно, не будет возражений против того, что «Среднее Приуралье» (у А. Ф. Мельничука и Г. Н. Чагина) и «ожные районы Прикамья и Приуралья» (у В. А. Иванова) – географически все-таки не одна и та же зона.

Во-вторых, заявляя о себе как о «традиционалисте», В. А. Иванов обозначает тем самым свое отношение к таким определениям, как «пьяноборская» и «чегандинская» культуры, однозначно придерживаясь первого [Иванов, 2009, с. 61, сн. 2]. Что же касается диалектики научного познания, то здесь он следует афоризму канадского политика Джона Х. Паттерсона (1886–1976): «Только дураки и мертвые люди не изменяют своего мнения. Дураки не будут. Мертвые не могут». Так что «конфузных построений», которые инкриминируют нам наши оппоненты на стр. 147 своей рецен-

зии, им, увы, избежать тоже не удалось. Хотя и в этом определении они демонстрируют вольность в обращении с понятиями и терминами [Словарь иностранных слов, с. 251].

В целом же сложившаяся ситуация удивительна: на 12 страниц текста и 1 рисунок первой главы нашей книги мы получили рецензию в 14 страниц того же формата и написали достаточно пространственный ответ. Если такая манера ведения научной дискуссии сохранится, то в итоге ее наши оппоненты получат готовую рукопись своей «антикниги», а мы – подготовленные исправления и дополнения ко второму изданию своей. Но пожелаем нашим критикам в продолжение дискуссии (если таковое будет иметь место) все же пояснить, почему угорская концепция, существующая в археологии и истории Прикамья и Приуралья вот уже более 100 лет и имеющая систему доказательств, является, по их мнению, а ргіоі «мифом» и нашими «амбициозными построениями» [Мельничук, Чагин, 2010, с. 150].

Примечания

¹ Википедия – свободная энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

² Основной причиной является моя торопливость и определенная небрежность, так как основной автор этой главы я. – А. Б.

³ Речка Вогулка реально протекает по территории Купросской сельской администрации, в окрестностях д. Кырдым.

Библиографический список

- Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
- Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009. 285 с.
- Белавин А. М.* Этнокультурная ситуация в Пермском Предуралье периода средневековья и нового времени // Пермские финны: археол. культуры и этносы. Сыктывкар, 2001.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Козлов А. И.* Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарий к этнокультурным процессам I–II тыс. н. э. // Матер. и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 2010. Вып. 5.
- Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
- Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура. Иркутск, 1985.
- Иванов В. А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // Тр. КАЭЭ. Пермь, 2009. Вып. 6.
- Итс Р. Ф.* Введение в этнографию: учеб. пособие. 2-е изд. Л., 1991.
- Конаков Н. Д.* Этнические стереотипы коми как этногенетический источник // Проблемы этногенеза народа коми / Тр. ИЯЛИ. Сыктывкар, 1985. Вып. 36.
- Конаков Н. Д., Котов О. В.* Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991.
- Крадин Н. Н.* Империя хунну. М., 2001.
- Кривошеков И. Я.* Указатель к карте Соликамского уезда. Екатеринбург, 1897.
- Кривошекова-Гантман А. С.* Географические названия Верхнего Прикамья. С кратким топонимическим словарем. Пермь, 1983.
- Крюков М. В.* «Люди», «Настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. М., 1984.
- Кукушин В. С., Столяренко Л. Д.* Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов н/Д., 2000.
- Лашук Л. Н.* Формирование народов коми. М., 1972.
- Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
- Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области: топонимический словарь Екатеринбург, 2007.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980.
- Мечковская Н. Б.* Язык и религия: лекции по филологии и истории религий. М., 1998.
- Мосейко А. Н.* Коллективное бессознательное и мифология современных этнических отношений // Совр. полит. мифология: содержание и механизмы функционирования. М., 1996.
- Напольских В.* «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: заблуждение и реальность // Древне-

- тюркский мир: история и традиции. Казань, 2002.
Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: кол. монография. Ижевск, 1999.
Словарь иностранных слов. М., 1988.
Современный энциклопедический словарь. М., 1997.
Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / отв. ред. А. С. Лобанова. Вып. 4: *Кривошекова-Гантман А. С.* Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Ономастика. Пермь, 2006.
Хайду П. Уральские народы и языки. М., 1985.
Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
Шишонко В. Пермская летопись: первый период. Пермь, 1881.
Югов А. Думы о русском слове. М., 1972.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.03.2011